

ТАЙНА МИСТЕРА „ИКС“

СОСТАВИТЕЛЬ СПОРТ
11 ДЕК 1987

Один вечер с композитором, певцом и поэтом Александром Градским

Несмотря на плотное окружение «свиты», готовой в любую секунду на самопожертвование, королю грозила реальная опасность. Кто мог помочь ему выбраться из этой ловушки, в которой он оказался не по собственной воле?

— Вот он, спасительный ход! — воскликнул Александр Градский, нажав на клавишу. И в следующую минуту король исчез с черной клетки телевизионной шахматной доски и появился на соседней белой, где за ним уже ревниво присматривала королева.

Соперник надолго задумался...

Признаться, не ожидал я в этот вечер увидеть Александра Градского в роли шахматиста, да еще сражающегося с компьютером.

— По идее он играет лучше меня. И не допускает промахов, — спокойно отреагировал Александр на мой удивленный взгляд и добавил: — И еще он стремительно просчитывает варианты. Так что мне приходится тяжело. Но, думаю, в этой партии будет ничья.

— И вы будете довольны таким исходом?

— В общем-то да. У нас пока равный счет — 2:2. А проигрывал я из-за элементарных ошибок: пропускал откровенные удары. Все же привык играть, когда передо мной доска и соперник. А тут напротив только экран.

— Ну а что дает вам непосредственная игра в шахматы?

— Это тренировка воображения, не более того. Любой спорт, особенно тот, в котором нужно проявить интеллект, требует от тебя серьезного проникновения в суть дела. Я же поэт, музыкант, профессиональный исполнитель, и для меня спорт — это некая игра ума, фантазии.

— И вам никогда не хотелось отказаться от своего главного увлечения — даже в детстве, когда, кажется, все играли в футбол, бегали и плавали наперегонки, гоняли шайбу...

— Нет, не хотелось. Хотя я тоже играл в футбол, волейбол. И сейчас летом на отдыхе мне это удается иногда.

— Итак, вы любите спорт...

— Да. Я люблю спорт наблюдать. Причем любой. Любое соревнование между людьми. В спорте, в отличие от искусства, нельзя быть назначенным лучшим. Или назначенным кем-то первым. Зато можно пройти через все неприятности и, несмотря на твой трудный характер, прыгнуть дальше всех. И если ты прыгнул дальше всех, а у тебя плохой характер — ты все равно чемпион. В искусстве часто бывает не так. Бывает, он интереснее, лучше многих, а он не лауреат, не народный артист, не обладатель «Гран-при». И тем не менее его знают, любят, но только когда его вдруг не станет, официально признается, что он был большим художником. В искусстве, к сожалению, такие вещи случаются. В спорте никто не откажется послать на чемпионат мира человека, который прыгнул в высоту на 2.45. У нас же очень легко трубач перед зарубежными гастролями может заместиться клоуном, клоун — битником, а битник — пианистом.

— Какова ваша жизненная концепция?

— Я считаю, прожить жизнь можно тремя способами: первый — делать то, что тебе нравится, и иметь успех. Второй — делать то, что тебе нравится. И третий — иметь успех. Одному человеку повезло — он всю жизнь занимается любимым делом, ему еще за это платят деньги, и он добивается успеха. Другому человеку не очень везет: он увлечен таким делом, которое не может дать ему возможность добиться успеха. Но он им все равно занимается. Есть еще люди, которые обделены каким-либо талантом и занимаются тем,

что устраиваются в жизни. И никого из них нельзя обвинять в том, что они делают что-то не так. Но что-то зависит здесь и от случая, от обстоятельств, от судьбы.

— А от человека, от его характера — разве нет?

— Конечно, и от человека. Кто виноват в преждевременной смерти знаменитого футболиста Валерия Воронина? Прежде всего он. Но могло случиться так, что в тот трагический вечер он шел бы по другой улице и вдруг увидел девушку, которая, представим, его бы полюбила. И под влиянием ее он перестал бы вдруг пить. И потом вы его бы не узнали, а через 15 лет он мог бы стать, например, солидным тренером. В жизни случайность играет колоссальную роль, но не всегда главную. Вот неповторимый Эдуард Стрельцов. Он в свое время попал в передрагу, после которой непростительно вернулся к нормальной жизни. Но он сохранил себя, сохранил свое лицо, стал футболистом снова, вошел в сборную, доказал, что играет лучше всех, а теперь тренирует детишек. А могло быть не так? Наверное. Но все же человек свою судьбу сам вершит.

— А если менее талантливый человек обходит вас на поворотах судьбы, пользуясь какими-то запрещенными приемами, — неужели вас это не задает?

— Задевало. Но однажды я себе сказал: это неизбежный, естественный процесс. И противопоставить этому я должен не внутреннее раздражение, а борьбу. Но бороться надо честно, ибо способы, которые выбрали эти люди для достижения цели, не могут быть для меня приемлемыми. Когда же ты начинаешь пользоваться их способами — ты такой же, как они.

— У вас были в жизни критические моменты, когда казалось, что в запасе для продолжения спора не осталось ни одного козыря?

— Нет. У меня всегда были козыри.

— А из чего они состояли?

— У меня, я бы сказал, шахматный подход к жизни. Красиво сыграть свою партию, доказать свою силу, свой талант — это задача для художника одна из важных. Что нами движет к самопожертвованию в искусстве? Нами руководит уважение (или неуважение) к самому себе. Я убежден: люди, идущие на бесчестный поступок, теряют сами к себе уважение.

— Вы в отличие от многих других всегда говорили со сцены все, что вас волнует...

— Всегда. Когда я честно говорю о том, что думаю не про завтра, не про сегодня, не про вчера, а про любовь или нелюбовь, то это и получается правда как бы во все времена. Но когда ты так активно и эмоционально назидаете свой собственный мир и себя самого, то не всех это должно привести в состояние эйфории. Кого-то может это и раздражать. Но что поделаешь. Я избрал себе такую жизнь. И я наступаю кому-то на ногу уже тем, что существую.

— Были ли песни, которые вы исполняли только в узком кругу?

— Не было такого. Я всегда выступал на публике. И те песни, которые пою сегодня, пел и семь, и восемь, и десять лет назад. И были неприятности. Мне говорили, что вами не довольны, хотя перед этим в 7-тысячном Дворце спорта в Киеве люди встали после песни о Высоцком. Это было в 80-м году. Пел ту же песню в 81-м в Ленинграде — сняли концерты. Мне и грустно вспоминать об этом, и приятно: я вспоминаю себя как человека, которого уважал.

...Так случилось, что осенью восемьдесят первого года мы выступали с Александром Градским в устном журнале перед старшеклассниками столицы в концертном зале «Россия». Тогда я впервые услышал песню о Высоцком.

«Он стихи свои пел, раздавал полной горстью. Хриплогорлый в сознанья засел.

— Он, конечно, был зол, но весело злостью, он, конечно, грубил, но не всем.

...Бей, бубен, бей, голос срывай... Трубы яростней играйте.

Лей, ливень, лей, краски смывай, скрипки плачьте об утрате...»

Помню, какой был успех у исполнителя. Помню, сколько было неприятностей у него и организаторов вечера из-за песни о человеке, которому спустя шесть лет будет присуждена Государственная премия СССР.

— И все-таки как бы вы определили свой жанр?

— Самое большое достоинство музыканта — не быть ни на кого похожим. Иметь свой стиль. Чобы сказали: это музыка «икс» и никого другого. Так только он может петь. У меня синтез жанров: есть элементы рока, симфонического музыки, есть элементы итальянского пения... Но назвать это правильнее всего: музыка Александра Градского. И если я заслужу право, чтобы люди так говорили, — это для меня самая большая награда.

— Значит, любое направление в музыке имеет право на жизнь?

— Абсолютно любое, если это талантливо, а не фальшиво-поддельное. Я вообще уважаю талантливых людей в любой области.

— В том числе и в спортивной?

— Да. Большинство людей спорта, с которыми сталкивался, это люди талантливые, добрые и открытые. Они всегда эмоционально смогут оценить музыканта.

Прежде всего ценю в спортсмене дарование. Если этот спортсмен может делать то, что не может делать никто, я уже смотрю на него снизу вверх. Знаю, что никогда в жизни не смог бы прыгнуть на лыжах с трамплина. А люди прыгают и на сто с лишним метров. Это потрясающе.

...За окном падал декабрьский снег. Ольга укладывала спать Машу и Данилку.

— Сыграем, — предложил неожиданно Александр, расставляя фигуры на обыкновенной шахматной доске.

Я двинул королевскую пешку, вовремя вспомнив, что первый ход e2—e4 не грозит мне «никакими осложнениями»...

Л. ТРАХТЕНБЕРГ.